

Б. В. Мельгунов

НЕИЗВЕСТНАЯ ЭПИГРАММА НА Н. И. НАДЕЖДИНА И В. Г. БЕЛИНСКОГО

Литературная деятельность Николая Ивановича Надеждина (1804—1856) послужила предметом четырех эпиграмм А. С. Пушкина: «Надеюсь на мое презрение...»; «Сапожник (Притча)»; «Седой Свистов! ты царствовал со славой...»; «Мальчишка Фебу гимн поднес...». Все они относятся к 1829 г., когда Надеждин-критик «Вестника Европы» печатал **иногда** в этом журнале и свои стихи. Известны также несколько эпиграмм на Надеждина, относящиеся к тому времени и написанные Е. А. Баратынским и П. А. Вяземским.¹

«Кто не помнит того времени в нашей литературе, — писал Белинский в 1842 г., — когда эпиграмма была в таком ходу, что каждый поэт, эпический, драматический или лирический, непременно должен был написать хоть несколько эпиграмм. Сам Пушкин заплатил полную дань этому направлению».²

Литературно-критическая деятельность самого Белинского сопровождалась на всем ее протяжении ожесточенной полемикой, памфлетами и политическими доносами в прозе и в стихах. Рецидивы стихотворной агрессивности противников Белинского связаны преимущественно с тремя моментами его творческой биографии: яркий критико-публицистический дебют Белинского в газете Надеждина «Молва» знаменитым циклом статей «Литературные мечтания» (1834); переход критика в «Отечественные записки» А. А. Краевского (1839); обострение литературных отношений Белинского с московскими славянофилами (середина 1840-х гг.).

¹ См.: Эпиграммы и сатира. М.; Л., 1931. Т. 1. С. 309—315.

² *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч. Т. 6. С. 235. Далее ссылки на это издание — в тексте с указанием римской цифрой тома, арабской — страницы.

Одним из первых и постоянным журнальным оппонентом Белинского — автора «Литературных мечтаний» и обоих изданий Надеждина — был редактор, фельетонист и критик «Литературных прибавлений к Русскому инвалиду» В. Ф. Воейков.

Белинский больно задел его авторское самолюбие в VII-й статье этого цикла, где он обращается к литературным «авторитетам» «г. Иванчина-Писарева, г. Воейкова <...> кн. Шаликова» (I, 55). В X, последней статье цикла критик, говоря о «Библиотеке для чтения» О. И. Сенковского, выносит приговор самым деятельным литераторам того времени, в том числе и Воейкову: «Нельзя создать деньгами таланта, нельзя и убить его ими. Где бы ни писали, в каком бы журнале ни помещали своих изданий и сколько бы ни получали за них гг. Греч и Булгарин, Масальский, Калашников, Воейков — они всегда и везде останутся теми же...» (I, 99).

Называя наступающий период русской литературы «Смирдинским», Белинский в той же статье еще раз перечисляет его «гениев»: «Это гг. Барон Брамбеус, Греч, Кукольник, Воейков, Калашников, Масальский, Ершов и мн. др. Что сказать о них? Удивляюсь, благоговеею — и безмолствую!» (I, 100).

В. Ф. Воейков первым из группы литераторов, обиженных Белинским, вступил с ним в затяжную перепалку. «В своих выходках в „Литературных прибавлениях к Русскому инвалиду“ против Надеждина, Белинского и других, — вспоминал И. И. Панаев, — он (Воейков. — Б. М.) явился тупым, плоским, отсталым старцем, огрызавшимся с бессильною злобою».³

С 18 мая 1835-го и в течение всего 1836 г. Воейков в своих журнальных обзорах и «Литературных заметках» под псевдонимом *А. Кораблинский* регулярно предрекал скорую гибель «Телескопа» и «Молвы», насколько не влияющих, по его мнению, на литературный процесс, и посылал проклятия их постоянному критику. «Беда бы нашей злополучной словесности, — писал он в одном из этих фельетонов, — если б критик „Телескопа“ и критик „Библиотеки для чтения“ имели на русскую словесность хотя сотую долю того влияния, каким некогда пользовались гг. Булгарин и Полевой. И те нередко сбивались с прямой дороги, особенно Н. А. Полевой в последние годы своего *телеграфного* царствования. Однако ж страшная разница! Избавил Бог Россию от татар, от ляхов, от галлов, от критика Н. А. Полевого, зато наслал *Барона Брамбеуса* и Виссариона Белинского». Однако первому из названных критиков Воейков все же отдает предпочтение, признавая ученость, знание многих языков и талант О. И. Сенковского. «У занимающегося же критическими статьями в „Молве“ и „Телескопе“, — пишет он далее, — нет ни учености, ни начитанности, ни дарования; все это заменяет у него отвага».⁴

К этому же, очевидно, времени следует относить сочинение Воейковым строфы 51 в его знаменитом стихотворном сатирическом обзоре «Дом сумасшедших», которое создало ему в профессиональной среде славу «литературного корсара»:

³ Панаев И. И. Литературные воспоминания. М., 1950. С. 83.

⁴ Литературные прибавления к Русскому инвалиду. 1835. 24 авг. № 68.

Вот Сенковский — «сей и оный»:
Гадок, страшен, черен, раб.
Он поляк низкопоклонный,
Силы, знати, денег — раб.

Подлость, наглость, самохвальство
Совместил себе в позор;
Полевого в нем нахальство
И Белинского задор.⁵

* * *

«Партизанскими» вылазками в литературе (злыми эпиграммами, анонимно пускаемыми в публику печатно и в списках) в 1830—1840-е гг. особенно отличался Михаил Александрович Дмитриев — московский поэт, критик, переводчик. Именно ему принадлежит большая часть эпиграмм и сатирических стихов на Белинского, написанных в эти годы. С марта 1835 г. он сотрудничает в новом журнале «Московский наблюдатель», со-перничающем с «Телескопом» и «Молвой». В ноябрьском номере «Телескопа» 1835 г. была напечатана знаменитая статья Белинского «Стихотворения Владимира Бенедиктова», в которой он походя, но очень больно уязвил авторское самолюбие Дмитриева-стихотворца: «Если г. Бенедиктов будет продолжать свои занятия по стихотворной части, то он со временем *выпишется*, овладеет поэзией выражения, выработает свой стих, не будет делать <...> детских промахов, <...> словом, будет писать так же хорошо, как г. Трилунный, г. Шевырев, г. М. Дмитриев, но едва ли когда-нибудь будет он поэтом» (I, 369).

Вскоре, в 1836 г. в литературной среде стала известна эпиграмма Дмитриева на Белинского:

Не говори, что ты плебей!
Не хвастайся своей лакейскою натурой;
Она нам говорит сама своей фигурой:
«И плюй и бей!»⁶

В сентябре 1836 г. содержание этой анонимной эпиграммы стало известно Белинскому.⁷

В 1839—начале 1840-х гг., когда Белинский уже заведовал критико-библиографическим отделом «Отечественных записок», Дмитриев продолжает его преследовать в своих «балладах» — сатирических перепевах произведений В. А. Жуковского «Новая Светлана» и «Петербургская Людмила». А в № 10 журнала «Москвитянин» 1842 г. помещено памфлетное

⁵ Цит. по изд.: Эпиграмма и сатира. Т. 1. 1800—1840. М.; Л., 1931. С. 537. К двум последним стихам в этом издании приведен вариант:

Полевого самохвальство
И Булгарина задор,
И Белинского нахальство
Совместил себе... в позор!

⁶ См.: там же. С. 400.

⁷ См.: Оксман Ю. Летопись жизни и творчества В. Г. Белинского. М., 1958. С. 129.

послание Дмитриева «К безыменному критику» («Нет, твой подвиг не похвален...»), также обращенное к Белинскому.

Выше мы цитировали слова Белинского о бытовании эпиграммы в середине 1830-х гг. из его «Журнальных и литературных заметок» 1842 г. Знакомый с направленными против него эпиграммами Дмитриева, критик замечал в той же статье: «...теперь этот приятный род сочинений, кажется, опять входит в моду преимущественно тщанием и усердием известного стихотворца старого времени г. Михаила Дмитриева» (V, 238).

Еще резче об этом «направлении» творчества Дмитриева Белинский высказался в рецензии на роман Е. И. Классена «Провинциальная жизнь», помещенной в октябрьском номере «Отечественных записок» 1843 г.: «Чтобы добиться <...> постоянно убегающей его славы, г-н Михайло Дмитриев вместо дидактического рода, в бесполезном упражнении которым он убедился, изобрел теперь новый, до него небывалый род поэзии, произведения которого можно было бы назвать „рифмованными денонциациями” на безнравственность критиков, не признающих в его сочинениях ни искры поэтического таланта» (VII, 637).

* * *

Уже в первой статье «Литературных мечтаний» Белинский иронически называет «новых богов» русской литературы, которые вместе с «великим Кукольниковым» «сменили не заменив» старых: «Теперь Баратынских, Подоллинских, Языковых, Туманских, Ознобишиных сменили гг. Тимофеевы, Ершовы; на поприще их замолкнувшей славы величаются гг. Брамбеусы, Булгарины, Гречи, Калашниковы по пословице: на безлюдье и Фома дворянин» (I, 21).

Особенно обидно (и несправедливо) молодой критик обошелся с Е. А. Баратынским. В статье «О стихотворениях г. Баратынского», помещенной в сентябрьском номере «Телескопа» 1835 г., Белинский разрушает общепризнанный авторитет Баратынского, называя его лиру «светской и паркетной» (I, 325).

Поэт отплатил критику, узнав о переходе Белинского в журнал Краевского «Отечественные записки», отнюдь не «паркетной» эпиграммой:

В руках у этого педанта
Могильный заступ, не перо,
Журнального негоцианта
Как раз подроеет он бюро.
Он громогласный запевала,
Но запевала похорон...
Похоронил он два журнала,
И третий похоронит он.⁸

Пророчество Баратынского, как известно, не сбылось.

* * *

Публикуемая ниже эпиграмма на Надеждина и Белинского извлекается из поступлений в Рукописный отдел Пушкинского Дома 2003 г. (дар

⁸ Баратынский Е. А. Стихотворения. Поэмы. М., 1982. С. 365.

памяти коллекционера М. Д. Ромма). Текст эпиграммы записан рукой неустановленного лица, чернилами, без даты и указания автора на одной стороне писчей бумаги без водяных знаков.

К Н-ну

Уж если ездил ты, зачем же с рожей свинской
С тобой не ездил и Белинской.
Тогда б в «Молве» прочли: такого-то числа
Отправились в Париж ученых два осла,
По цеху оба журналисты,
А званием семинаристы.
И паспорт бы такой вам дали из Москвы,
Чтоб знала Франция, кто здесь вы таковы.

Эпиграмма «посвящена» возвращению редактора московских журнала «Телескоп» и газеты «Молва» Н. И. Надеждина из заграничного путешествия. Летом 1835 г. Надеждин, подавленный отказом родителей-аристократов Е. В. Сухово-Кобылиной выдать ее замуж за него, решил отправиться в длительную поездку по Европе. Передав управление делами «временной редакции» своих изданий В. Г. Белинскому, Надеждин 8 июня 1855 г. выехал из Москвы в Петербург и затем за границу, откуда вернулся в середине декабря того же года.⁹ К этому времени и событию, очевидно, и следует отнести эпиграмму.

Судя по последней полуфразе эпиграммы — «...кто здесь (т. е. в Москве. — Б. М.) вы таковы», ее автор москвич. Более определенную догадку об авторской принадлежности этой эпиграммы позволяет высказать еще одна особенность ее лексики. Дело в том, что рифма, найденная в 1835 г. автором эпиграммы к имени Белинского, впоследствии несколько раз использована московским поэтом М. А. Дмитриевым в его сатирических перепевах баллад В. А. Жуковского, упомянутых нами выше. Приводим фрагменты этих «баллад» с деталями «портрета» Белинского, совпадающими с характеристикой Белинского в анонимной эпиграмме. Совпадения выделяются курсивом.

В строфе 14 баллады М. А. Дмитриева «Новая Светлана» (1839—1840):

Вот на койке на одной
Лик знакомый, не чужой...
Глядь! Плебей *Белинской!*
Страшен милый прежде вид!
Не двуногим он глядит!
Он уж с *рожей свинской!*

В строфах 6, 11, 16, 19 «баллады» Дмитриева «Петербургская Людмила» (1840-е гг.):

Не видал ли, где *Белинской?*
— Нет, брат, к этой *роже свинской*
Я при всех не подхожу!
Подойдет — я не гляжу.

⁹ Оксман Ю. Летопись жизни и творчества В. Г. Белинского. М., 1958. С. 98, 114.

.....
Входит трезв совсем *Белинской*.
Радость черта в *роже свинской!*
.....
Ты не демон, а *Белинской!*
Что за демон с *рожей свинской...*
.....
Полно ты пугать, *Белинской!*
Что за черт ты с *рожей свинской!*¹⁰

Легко предположить, что М. А. Дмитриев — самый плодовитый из авторов стихотворных пасквилей на В. Г. Белинского — очень дорожил найденной им рифмой к имени критика и считал ее единственно возможной. Эпиграмма «К Н<адежди>ну» была, очевидно, первым опытом борьбы против Белинского в этом жанре и вообще первой, известной теперь, эпиграммой на Белинского.

Уничижительная характеристика «семинаристы» в эпиграмме Дмитриева на Надеждина и Белинского стала расхожей в последующие годы, особенно в среде писателей-дворян по отношению к литераторам-разночинцам. До Дмитриева ее использовал Пушкин в своей эпиграмме на Надеждина «Мальчишка Фебу гимн поднес...»:

За сим принес *семинарист*
Тетрадь лакейских диссертаций...¹¹

¹⁰ См.: Эпиграмма и сатира. Т. 1. 1800—1840. М.; Л., 1931. С. 327—337.

¹¹ Пушкин А. С. Собр. соч.: В 10 т. М., 1974. Т. 2. С. 213.